

Наталья Деронн, город Москва

Деронн Наталья Николаевна. Дочь репрессированного отца. Родилась в тайге на лесоповале. Бабушка и мать - коренные москвичи. Отец - из потомственных дворян, дед награжден личной грамотой царя Александра III и званием почетного гражданина. Бабушка Софья преподавала в Москве на курсах ликбеза в революционное время. Отец и мать - инженеры.

Через десять лет ссылки разрешено было семье вернуться в Пермь, но не в Москву. Окончила в Перми очень строгую спецшколу с углубленным изучением иностранных языков и литературы. Получала всесоюзные денежные стипендии за сочинения и рефераты по литературе и философии.

Высшее образование получила в Пермской сельхозакадемии им. Прянишникова. После окончания была оставлена работать в отделе научной библиографии академии - библиографом. Позже работала на кафедре педагогики в Институте усовершенствования учителей, была научным сотрудником в Институте микробиологии при РАМН, преподавала политическую экономию студентам в Медицинской академии, там же - сначала в Мед. академии, а позже в Институте микробиологии организовала в конце 80-х - начале 90-х одно из первых научно-исследовательских коммерческих объединений региона с внешне-экономической деятельностью.

С 1993 г. года стала во главе научно-исследовательской фирмы по внедрению новейших технологий в области здравоохранения. До 2008 года профессионально занималась только бизнесом, экспорт-импорт новых технологий, региональный директор представительства франко-торговой палаты в Уральском регионе, директор агентства бизнес-инсайт, бизнес-консультант.

С 2009 года - бизнес-коуч, преподаватель авторского собственного курса для детей с 10 лет: Бизнес детям для семейного чтения и игр дома. Также разработала методические материалы, включая лекции, занятия, бизнес-игры и методические материалы для преподавания курса "Бизнес для тинейджеров" для центров развития и общеобразовательных школ.

Провела апробацию собственной книги "Бизнес для детей" в специализированной детской школе бизнеса в Пермском крае при содействии муниципального отдела Горно. Данный курс намерена также продолжить преподавать здесь, дома, в Москве, и уверена, что формат и индивидуальный апгрейд "под спонсора" может быть выгоден и меценатам, и рекламодателям и МСП. Так как мой авторский курс единственный в своем роде. Член Международного Союза писателей "Новый Современник" с 2017г. Горжусь этим. Замечательная литературная площадка, жаль, что не интересовалась этим Союзом раньше.

Адрес страницы на Литературном портале «Что хочет автор»:

<http://www.litkonkurs.com/index.php?dr=17&luid=74356>

Электронный адрес для контактов: catcat99@yandex.ru

Наталья Деронн: Произведение для знакомства

А спорим!

Мой давний друг - интеллектуал. Меня он таковым же считает, иначе невозможно - мы оба писатели. Именно писатели, не поэтки, не авторки, не журналюги, не графоманы - мы два приличных писателя. Счёт наших творческих побед и мужских, мы ведем с одного времени - со студенчества на филологическом факультете. Среди писателей это нынче, всё равно как рок-певец с консерваторским дипломом. Нам платят! Да-с! Нет, вы не правы, мы не самодовольны - мы уверены, ровно настолько, чтобы не быть рефлексорирующими писателями-интеллигентами. Писатель не может быть рефлексорирующим - иначе ему никто не поверит. Как врачу. Верно?

- Верно, -отвечает мне мой "закадычный друг", - а только никакой моей фантазии писательской, ни обывательской не хватит, и Чехов не научит, что бы такое купить жене в подарок к женскому этому дню! Попробуй, говорит, не купи! И вспомнила эту, знаешь, старенькую такую, мерзостную советскую формулировку: чем я хуже других! Пусть будет как у всех! Это теперь-то, когда каждый - структурированная личность и сам себе и всем сразу лидер, и ещё - самодостаточная "хандмайселф"!

- А моя говорит: разве я не достойна? Достойна! Заметь! Раньше женщина, как говорила - я заслужила, хотя бы в женский день, а теперь мне моя - разве я только по праздникам могу подарки получать? Никакой фантазии писательской не хватит придумывать подарки и подарочки, презентики и сюрпризики! Женщины ловки, выдумщицы те ещё: хоть праздник, хоть-нет, а ловко всё вывернут себе на пользу, да так, что и не заметишь, что она опять умнее и тебя вновь обставила!

- Помнится мне, - говорит мой друг-интеллектуал,- кажется, у Грэма Грина, н-да, тоже два мужа рассуждают, кажется, писатели как мы, и один говорит : если писатель-женщина, то ей достаточно пройти мимо гвардейской казармы, чтобы сочинить целый роман! Настолько они ловки выдумывать!

- Выдумывать они и точно умеют, это да, и вертлявы как, а вот я-мужчина, мне и придумывать историй и романов не надо - моя молодость была такой: на всю гвардейскую казарму хватит!

- Да брось, ты через-чур, право, уж верно, одни воспоминания тебя и тешат.

- Дай мне любой повод, любой предмет - и я вспомню любовную историю! Спорим! Написать роман! А вот закрутить роман может только мужчина! Давай! Кидай мне - и будет тебе ассоциация с экспромтом! Ну где твоя казарма с деваками?

Тут мой "закадыка" остановился, руки вбок и провокаторски так с усмешечкой:

- Мы каждую неделю ходим мимо этой - не казармы, не женской гимназии, (нам, небось, не простят за талант, если мы за нимфетками подглядывать будем, как Чаплину). Нет, вот тебе вместо женской бани-да хоть библиотека, вон, на другой стороне улицы! Моя жена уж точно насочиняла бы, хоть и не поэтка и авторка!

- Библиотека?! Так она же детская! Ну ты паршивец!

- Не важно! Если даме, будь она писательницей или даже писучкой, достаточно пройти мимо казармы, чтобы сочинить целый роман, то тебе выпадает - библиотека.

Как он меня поддел, ах, как он меня подначил, что и впрямь у меня случился настоящий апгрейд в мозгах. Ну конечно! Библиотекарша! И сочинять не надо!

- Один ноль,- говорю. - Биб-ли-оте-карша! Ты помнишь, на третьем курсе, я как-то на экзамен не пришёл?

- По философии? Как не помнить! Препад два раза за кофе сбегал, а тебя не было, мы ждали - чем все кончится: завалит он тебя-не завалит? Спорили на деньги. Ты тогда зашибленный приполз, наврал, что в библиотеке сидел. Готовился, а там часы стояли.

- Не из библиотеки! От библиотекарши!

- За что ты её так сразу в библиотекарши перевел, говори культурненько-библиотекарь, то же мне писатель.

- Нет! Именно библиотекарша! Самая что ни на есть !

- Уж не тогда ли это было- стишки ты пописывать стал? Ох, мы поиздевались над твоими перлами, дай вспомню:

... рядом возлежа, она, пряди волос моих перебирая,

как леший путала гривастого коня,

Ля-ля..бла-бла... порыве я,

Не поняв , но обуяв - поэт ли я, любим ли этой дамой я!

- Сей роковой дамой была библиотекарша. Случилось мне как-то раннею весною ходить на учебу иной дорогой из-за ремонта трамвайных путей, так раньше писали грамотно: ремонт трамвайных путей, а не консерва мясная со скидкой. Иду я по чужой улице, за пару кварталов от дома, по Беговой, там на первом этаже сталинского дома, огромные окна заводской библиотеки, зеленые лампы на столах, ленинские, красивые, округлые как вино. Раз, другой прохожу, там книги выдавать солидные дамы служили: одна была в нарукавниках, другая в халате-спецовке, были такие раньше темно-синие, мрачные. А тут, прошел, да что-то меня не стандартом-не форматом так шибануло, протоптался назад - глазам не верю! За столом сидит барышня, без нарукавников, не в халате, а в платье в талию, поясок, складочки на юбочке, воротник с бантиком, который моя бабушка называла - бантик «собачья радость».Только это вспомнить мог! Одна ассоциация - собачья радость. К стеклу прилипши, весь я извертелся - чтобы меня она не видела, но чтобы я увидел всю ея! Я простоял до закрытия, часов до десяти, уж полночь близится, она все не идет, я к ней в библиотеку - заперто! Стучусь. Запишите , говорю, меня в читатели.

- Вы не заводской, - она мне отвечает,- у нас читальный зал и абонемент для заводских ребят.

- Я тоже «ребят», но у меня сессия.

- Сессия когда?

- С девяти .

Тут она смотрит на часы, отходит назад, оглядывает меня, что-то раздумывает.

- Пройдитесь! - а сама бантик под воротничком потуже затягивает, словно на мне петлю.

Я прошел прямо к столу, вынимаю студенческий, а она:

- Пройдитесь, а не проходите,- и такая издевка в голосе стервозная, и тембр не звонкий, знаешь, как радиола «Ригонда» была у Верки на пятом курсе, сексопилки, а это другая совсем. Но так прямо внутрь всего приволакивает с костями. Фигуры вроде как и нет-не тетка с веслом, не Рубенс, а проникла сразу, так готов был тут же ей весь открыться, как папе с мамой вместе с бабушкой никогда даже по пьяне не открывался. И вроде ничего не сказала ещё, но я ей уже подчинился. Последней бестолочью снова прошёлся туда -обратно, про плечи вспомнил - хоть расправил, атлант чертов! Она меня внимательно оглядела.

- До девяти как раз должны всё успеть, - говорит. Потом она взяла стопку каталожных карточек, сложила их в сумку вместе с толстым Драйзером, как сейчас помню, эти желтые каталожные карточки с дырами, чтобы на штырь надевать - кто теперь такие помнит! Ах, какое удовольствие читать книги в библиотеке, не в интернете, а копаться в ящиках с карточками, изучать аннотации, и написаны они заковыристым почерком и чернилами: подумать только - чернилами были писаны эти карточки, любой старик мог этот почерк разобрать! Да, так вот, Толстой и Драйзер точно были спрятаны вместе с карточками в сумку, и мы пошли. Вернее, она шла сама по себе, а я чуть позади на пол-плеча, чтобы видеть её. Она умная, всё понимала, ни разу на меня не оглянулась, иногда спрашивала - кто я да что я. Сама о себе-ничего, придёшь - увидишь. Вот ведь, ловкая! Я следовал за ней бессловесно, язык окаменел. Много разговориться не удалось - жила она недалеко.

Едва мы вошли в квартиру, как она вынула карточки из сумки и босая, не переодевшись, уселась за стол что-то писать в них.

- Стой там,- сказала мне не оборачиваясь, но так, словно видела, что я уже хотел уйти. - Надо записать, пока не забыла.

- Пишешь аннотации к книгам?

- Да, мне платят за каждую карточку, я сама составляю тексты, - ответила мне только через несколько минут. Она не заметила, как я стоял болваном, это мне теперь понятно. Её ничего не смущало, она не замечала того, что не хотела замечать: она взвешивала только свои действия, уверенная, что подчинит любого, поэтому она просто подошла обнять меня.

Она не была старше меня и не казалась старше, но в ней всё было рационально и свежо, технично и изысканно, романтично и грамотно. Она точно знала, что делает, и делала без всяких сомнений в желаниях. Не будь у меня такой девушки из библиотеки, я бы потом всю жизнь влюблялся во всех не тех.

Где-то среди моих передышек, она снова усаживалась за стол, обмакивая перо и мысли в фиолетовые чернила цвета закатного неба, прежде чем изречь их на линейках каталожных карточек.

- Бедняжка-трудяжка, - я пожалел её, подойдя, ласково укрыл её своей рубашкой.- Кофе?

- Кофе.

На кухне будто у себя дома- всё нашел, не ища, сахар, чашки, варил кофе старательно в турке, медленно возил его по плите и раскачивал- так делают египтяне, чтобы кофе осел и не сбежал. Даже хлеб для неё пожарил, как бабушка делает и называет это гренками, а на них сверху глазунью, да на сливочном масле. Эх, брат, какой хлеб был раньше!

- Да-да, и масло с молоком, у-у! Не отвлекайся!

- Она всё еще сидела за столом. С ловкостью и удовольствием, по-детски выпустив язык - самый кончик, слегка прикусывая от усердия, она заполняла каталожные карточки. Если бы все знали, что это такое! Какое загляденье! Эстетика! Желтоватые, вечно старинные с дырочкой для железного прута каталожного деревянного длинного ящика. Писались карточки особым библиотечным почерком, когда буква «а» всегда на сносках - вытянутое её пузо уже опущено и вот-вот разродится. Заглавная буква «Д» всегда чванливая и сытая, но не опустится, чтобы увидеть, что совсем она не элегантная, а пузатая, на кривых козьих ножках. По всему видно, кроме денег этот забавный библиотечный почерк доставлял моей барышне самое забавное удовольствие. Поэтому я не ревновал её к карточкам - я был для неё серьезнее и важнее буквы «В» и занимал больше места в жизни, чем буква «Ж».

Я положил руку ей на плечо, поставил перед ней кофе, словно она была моим личным секретарем, стал вслух читать ею написанное : буква «А», Александр, по прозвищу Ксан, высокий, статный, сильный, но сутулый, свободен, но скован, студент, беден, не позовешь - сам Ксан не подойдет сам, не болтлив, а мог бы многое рассказать, ведь филолог, руки теплые, за три часа показал пруть незабываемо сосредоточенную...

Она даже не обратила внимания на меня, как я залез в каталожный ящик- ведь изощрилась как-то и спёрла его с работы, вот он здесь у неё -такой длинный, тяжелый на письменном столе и в нем целая гармошка карточек на букву «А»!

... Александр, 24 года, не женат, без детей, живет с мамой. Была с ним два раза, потом стала ясно, что это не мама, а его престарелая любовница, кормилица она же, в смысле содержит его. Тошняк, короче. Ушла. Все равно у него зубы желтые, ест семечки возле дверей, пока меня ждет, шелуха в зубах- гадость.

Да такого ящика с карточками - аннотациями хватит на все любовные приключения всех поэтов - символистов и высокого и ещё среднего романтизма!

С этим В. она встречалась долго, похоже тот был знатной «В»идной фигурой, раз его имя ни разу не было расшифровано, зато всё остальное - в подробностях таких, какие позволяла тайна нераскрытого имени.

Был один еще могуче - на букву «Ф», но тот точно был Филипп: у него своя машина, дача у бабушки в Переделкине, но очень маленькое будущее - прямо с мизинца. Ухаживает, водил в Метрополию. Шепелявит (зачеркнуто) картавит. Буду думать, не о чем думать о будущем с мизинцем.

Встреться она мне сейчас, такой - оттуда, я бы принял её за подростка, мне и в голову бы не пришло, даже после Набокова, влюбиться в неё. Тогда мы были оба молоды и прекрасны. Но прошло столько лет, а столько любовью прошло, сколько феминисток и сколько самодостаточных и унисексов, и бисексов, но эта курносая девочка с пожелтевшими каталожными карточками, исключительным почерком с нажимом чернильного пера, остаётся самой современной, самой лиричной, но самой независимой, рациональной, самой правильной и техничной, со строгим порядком в голове, в теле и на бумаге, мужского аналитического склада ума - Библиотечаршей!